

УДК 94(470)"19":321.72:005.745(06)
DOI 10.25688/20-76-9105.2021.42.2.10

Рецензия на сборник:

Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция (С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г.): сб. науч. статей: в 2 ч. / под ред. А. Б. Николаева. СПб.: Астерион, 2020. Ч. 1. 308 с. Ч. 2. 312 с.

В 2020 году вышел в свет сборник научных статей по итогам работы XIII Международной научной конференции «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2019»), состоявшейся 5–6 декабря 2019 года.

Центральное место среди докладов и дискуссий, развернувшихся на конференции, заняли вопросы, связанные с изучением деятельности Государственной думы Российской империи и истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). Специальная секция была посвящена думской биографике. Кроме того, на конференции подробно были рассмотрены различные вопросы, связанные с историей представительных органов в СССР и Российской Федерации в конце XX века и т. д.

Итогом работы этого международного форума стал анализируемый сборник научных статей в двух частях, в котором представлены доклады ученых из Санкт-Петербурга, Москвы и 12 других городов России, а также исследователей из Белоруссии, Киргизии и Польши.

Первый том издания открывают статьи, посвященные собственно Таврическому дворцу, истории его создания, его владельцам, архитектуре дворца, а также придворным нравам и зимним развлечениям, связанным с Таврическим садом, окружающим сам дворец. Автором одного из докладов стал И. В. Лукоянов, который дал характеристику состояния Таврического дворца перед открытием Государственной думы в 1906 году. Он отметил, что Министерство двора превратило здание в общественное пространство для проведения мероприятий, которые патронировались членами императорской фамилии. Дворец стал неким аналогом бизнес-центра, что было исключительным явлением для столичных дворцов. Тем не менее в начале XX века здание так и не стало публичным

культурным центром общероссийского значения. Судьбу Таврического дворца на многие десятилетия определило размещение в нем Государственной думы в 1906 году.

Второй блок докладов, размещенных в первом томе, связан не столько с историей становления самого парламента Российской империи и его деятельностью, сколько с ситуацией, которая складывалась в России накануне его образования. Этой тематике посвящены три статьи: В. А. Демина, С. С. Новосельского и К. В. Карпенко.

Так, В. А. Демин приводит сравнительный анализ двух проектов законодательного представительства. Первый из них был написан в Министерстве внутренних дел С. Е. Крыжановским и положен в основу закона от 6 августа 1905 года. Что касается второго проекта, подготовленного В. И. Гурко, то он предусматривал избрание Земского собора, который должен был избирать Земскую думу. Основными выборщиками по этому законопроекту должны были стать помещики. В условиях революции 1905 года данный проект, как справедливо отмечает автор, не мог быть принят. Исследователь К. В. Карпенко основное внимание сосредоточил на правовом аспекте, связанном с перераспределением полномочий императора после реформ 1905–1906 годов. Автор показал, что новое законодательство, лишив Николая II некоторых прав, предоставило ему новые, связанные с появлением отдельных органов законодательной и исполнительной властей.

В ряде статей рассмотрены сами парламентские выборы в Российской империи. Заметим, что вопросы особенностей проведения избирательных кампаний в период думской монархии, тактики политических партий, участвовавших в выборах, все больше привлекают внимание исследователей [4]. В статьях этого раздела проанализированы стратегии ряда партий и политических течений, связанные в основном с выборами в первую и четвертую Думы. На наш взгляд, в этом блоке несомненный интерес представляет статья А. А. Сорокина, посвященная изучению оценок последней выборной кампании в IV Думу (1912). Автор проанализировал источники личного происхождения (мемуары, дневники), а также периодическую печать и на этом материале показал отношение бюрократии, государственных и политических деятелей, ведущих периодических изданий к самому институту выборов. Ученый пришел к выводу, что современники в качестве особенностей этой выборной кампании отмечали широкое использование административного ресурса, проявлявшегося в устранении от выборов отдельных политических деятелей, формировании избирательных списков и давления на крестьян со стороны местной администрации и духовенства. При этом роль духовенства в этих выборах оценивалась, по мнению автора, неоднозначно. Более того, он указывает на определенный конфликт, который возник между правыми деятелями и духовенством при выборах в IV Думу.

Целый ряд статей первого тома посвящен анализу состава и деятельности парламента Российской империи, а также взаимоотношениям парламента,

власти и общества в период думской монархии (1906–1917). Так, С. В. Холяев размышляет о возможности сотрудничества кадетов с социалистами во II Государственной думе и приходит к выводу, что проблема кадетов заключалась в том, что революционерами они воспринимались как слишком умеренные, а правительство в их думской деятельности усматривало главный источник революции. Закрепившаяся за кадетами репутация революционной партии в дальнейшем мешала им налаживать конструктивные взаимоотношения с правительством. Данный вывод, на наш взгляд, выглядит не очень убедительным и излишне политизированным. Автор ссылается на В. И. Ленина, который полагал, что будь кадетская тактика более жесткой в отношении основной части социалистических сил (эсеров и меньшевиков), кадеты имели бы намного больше оснований на общий успех.

Безусловно, в теоретическом плане можно обсуждать различные варианты возможных партийных коалиций в Думе, однако, надо отметить, что подобное сотрудничество кадетов и социалистов вряд ли вообще было возможным. Ответ на этот вопрос фактически дал один из лидеров конституционно-демократической партии В. Д. Набоков, который был депутатом I Думы и оставался лидером партии и не будучи депутатом. В исследовании Григория Аросева, составившего первую полную биографию В. Д. Набокова, отмечается, что, если суммировать деятельность конституционных демократов, то можно сказать так: «Они пытались легальными методами внедрить в российскую действительность конституционные решения и либеральные ценности, давно привившиеся в парламентских правовых государствах. Однако эти ценности и идеалы оказались не востребованными, что в итоге и погубило как российский либерализм, так и многих из его представителей» [1: с. 43].

Представляет интерес статья А. С. Тумановой, посвященная парламентскому контролю над осуществлением гражданских свобод. Автор рассмотрела практику реализации III Думой права запросов по поводу нарушений свобод союзов и собраний, что, по мнению автора, раскрывает степень влияния представительного органа на государственную политику, а главное, помогает понять, насколько эффективно работали каналы коммуникации общества и власти.

Ряд статей, размещенных в этом разделе, посвящены рассмотрению деятельности Государственной думы через призму воспоминаний бывших депутатов или участников событий. Определенный интерес представляет исследование А. Б. Николаева, который, опираясь преимущественно на делопроизводственные документы, акцентирует внимание на изучении апрельских заседаний Временного комитета Государственной думы (ВКГД). В данной статье исследователь не только приводит сведения о семи заседаниях ВКГД, проходивших 11–20 апреля 1917 года, но и доказывает, что думский комитет продолжал и в это время принимать участие в механизме функционирования временной власти. Ценность этого суждения состоит в том, что оно опровергает утверждение, устоявшееся в историографии, о якобы умершей после

Февральской революции Государственной думе. Эти выводы автора стали продолжением его многолетних исследований различных аспектов революции 1917 года [5].

Наконец, значительный блок докладов был связан с анализом взаимоотношений парламента, власти и общества в условиях Думской монархии. Тематика этого блока, включающего статьи, в которых рассматриваются методологические аспекты либеральных моделей реформирования России; анализируется критика российской общественностью системы выборов в Государственную думу; показано восприятие парламента в средствах массовой информации разного политического направления; исследуются проблемы эмиграции из России и ее регулирования в оценках депутатов Государственной думы, отношения Совета министров и Государственной думы накануне Первой мировой войны, взаимоотношения председателя Государственной думы М. В. Родзянко и председателя Совета министров И. Л. Горемыкина в 1914–1916 годах и т. д.

На наш взгляд, в этом разделе несомненный интерес представляет статья К. А. Соловьева, посвященная концептуальным основаниям пассивного сопротивления, которые легли в основу Выборгского воззвания. Автор ставит вопрос: могли ли конституционные демократы, инициировавшие подготовку и разработку данного воззвания, конвертировать сложившееся в результате роспуска Первой Государственной думы общественное мнение в новую политическую реальность? Пассивное сопротивление, предложенное авторами Выборгского воззвания, по мнению К. А. Соловьева, должно было стать первым очевидным проявлением «нации» как союза граждан, готовых защищать собственные права. Однако эту задачу Выборгское воззвание не выполнило. К сожалению, автор не отвечает на поставленный вопрос: почему этого не произошло?

Второй том сборника открывает доклад А. Н. Медушевского, посвященный проблемам парламентаризма в условиях глобализации. Этот доклад вызвал ряд вопросов среди участников конференции и активное обсуждение самих критериев парламентаризма. В докладе автор сконцентрировал внимание на трех проблемных областях: первая — новые международные и транснациональные вызовы парламентской демократии, порожденные ситуацией глобализации; вторая — причины и параметры эрозии парламентаризма на уровне национальных государств; третья — эффект популистского поворота в пересмотр принципов парламентаризма.

Исследователь пришел к выводу, что ключевая проблема глобального парламентаризма заключается в конфликте транснациональной и национальной легитимности. При этом классическая модель парламентаризма может обеспечить свою жизнеспособность в новых условиях лишь сохранив ядро конституционных гарантий, а это возможно только при сохранении конституционного суверенитета национальных государств и приоритета их законодательных институтов. Вторым важным условием сохранения классической модели парламентаризма является усиление координирующих международных

негосударственных институтов транснационального конституционализма и парламентаризма. Автор приходит к выводу, что определяющим ориентиром все-таки остается классическая модель парламентаризма как в ограниченных, национальных пределах суверенного государства, так и в региональных и глобальных пределах.

В ходе развернувшейся дискуссии, которая вышла за рамки доклада и касалась понятия «парламентаризм» в более широком контексте, отмечалось, что этот термин должен относиться не к глобальным, наднациональным проблемам, а к вопросам, решаемым в рамках национального государства. С другой точки зрения, термин «парламентаризм» необходимо рассматривать не только как систему управления государством и обществом, но как процесс, который постоянно развивается в условиях постмодерна, глобализации и т. п. Выказывалось мнение о том, что классический парламентаризм — это порождение англосаксонской цивилизации. Однако это не означает, что в современных условиях глобализации он напроочь противопоказан всем остальным цивилизациям. Скорее надо говорить о каких-то его модификациях.

Соглашаясь с тем, что парламентаризм имеет отношение, в первую очередь, к англосаксонской традиции, Ф. А. Гайда отметил тот факт, что он дает нам пример определенного соотношения, баланса между началом монархическим, аристократическим и, условно говоря, демократическим. Для большей части населения Земли он, скорее всего, не свойственен, прежде всего потому, что у них есть свои модели развития, предполагающие доминирование какого-либо из этих трех начал. Таким образом, модель парламентаризма, которая так или иначе прививается к разным политическим культурам, в том числе и к российской, будет испытывать на себе влияние внешних сил, пытающихся воздействовать на ее повестку.

В заключительном слове А. Н. Медушевский отметил, что, во-первых, прямая демократия в современном мире является не самой оптимальной формой правления; во-вторых, одной из центральных тем дискуссии стал вопрос о дефинициях при определении понятия парламентаризма; в-третьих, имеет значение вариативность применения парламентской модели в разных условиях. Но, анализируя это многообразие исторических форм парламентаризма, важно не забывать о его аутентичной функции, наиболее четко выраженной в монистической модели парламентаризма. Докладчик особо подчеркнул, что целесообразно на основании данной дискуссии рекомендовать нашим законодателям учитывать логику развития и особенности вариантов парламентаризма. А определять процессы его развития, безусловно, можно по-разному, здесь должны быть приняты во внимание неодинаковые контексты, термины, исторические варианты и способы легитимации парламентских институтов.

Подводя итоги дискуссии, модератор секции (К. А. Соловьев) отметил, что в ходе обсуждения за круглым столом прозвучали по крайней мере три альтернативные версии определения самого понятия «парламентаризм». Прежде

всего речь идет о классическом парламентаризме, который тяготеет к идее разделения властей; вторая точка зрения исходит из того, что парламентаризм предполагает доминирование парламента в политической системе, и, наконец, было высказано мнение о том, что следует говорить о протопарламентаризме применительно к России начала XX века.

Проблемы становления российского парламентаризма обсуждались на секции по истории думской монархии (1906–1917) в России. В центре внимания здесь находилась проблема переосмысления и уточнения терминологической базы научных исследований. Центральным, на наш взгляд, явился доклад Д. А. Коцюбинского, посвященный переосмыслению и уточнению понятийно-категориального аппарата, сложившегося в современной историографии думской монархии, что вызвало активный интерес участников конференции. Справедливо отмечая, что процесс научного осмысления политической истории невозможен без формирования конвенционально релевантной системы ключевых терминов, Д. А. Коцюбинский предложил свой подход к анализу и концептуальному оформлению нового соглашения между исследователями в трактовке и определении хронологических рамок такого понятия, как «думская монархия».

Кроме того, автор провел обстоятельный анализ литературы, посвященной понятийно-категориальному аппарату периода думской монархии и пришел к выводу, что на протяжении почти трех десятилетий, прошедших с момента освобождения отечественной науки от оков идеологической цензуры, российские историки так и не выработали релевантной и конвенционально приемлемой модели научного описания партийно-политической системы думской монархии и феномена российского политического консерватизма.

Критикуя сложившуюся еще в советский период терминологическую традицию, автор предлагает свой подход к характеристике партийно-политической системы думской монархии. Она построена на оценках, высказанных теми или иными партиями в адрес П. А. Столыпина, его деятельности и реформаторского идейно-политического наследия. По мнению Д. А. Коцюбинского, такая система должна включать *крайне правых* (традиционалисты, черносотенцы, ультрамонархисты, реакционеры, правые), *правоцентристов* (последовательные сторонники всего пакета столыпинских реформ — консервативные либералы, умеренные либералы, к числу которых Д. А. Коцюбинский относит октябристов, а также умеренно-правых и русских националистов¹); *радикальных либералов* (либеральная оппозиция — кадеты, прогрессисты) и *революционеров/социалистов* (трудовики, меньшевики, большевики).

Предложенная Д. А. Коцюбинским классификация идейно-политических течений, возникших в Государственной думе, вызвала активную и острую дискуссию среди участников данной секции. В выступлении И. В. Омелянчука было указано на методологическую неразбериху в докладе Коцюбинского,

¹ К слову, изучением именно этого направления автор занимается многие годы [3].

который, по его мнению, путает две шкалы: «Есть шкала идеологическая, это левые, правые, центристы, и есть шкала социального действия, это консерваторы, реформисты и радикалы».

В своем выступлении А. А. Иванов также не согласился с точкой зрения Д. А. Коцюбинского и отметил, что схема, которую предложил докладчик, рассматривается на довольно узком отрезке времени — премьерстве П. А. Столыпина (1906–1911), что, как считает Иванов, не совсем правильно, поскольку правый лагерь не ограничивался пределами Думы, а вне Думы в отношении к столыпинскому курсу среди правого лагеря было гораздо больше общего, чем разногласий. Отвечая на этот упрек, Д. А. Коцюбинский в заключительном слове уточнил, что под отношением к П. А. Столыпину он понимает отношение к думской монархии в целом и в этом смысле сложившаяся политическая система выходит за рамки премьерства Столыпина и реально продолжает существовать вплоть до 1917 года.

По мнению В. А. Демина, Д. А. Коцюбинский допустил несколько ошибок, в частности в теме его доклада смешаны две разные проблемы: определение думской монархии и классификация политических сил. Поскольку, как считает В. А. Демин, на всем протяжении думской монархии политическая конъюнктура неоднократно менялась, то для каждого этапа необходимо разрабатывать отдельные классификации.

В качестве замечания, не влияющего на суть рассматриваемых вопросов, отметим, что доклад Д. А. Коцюбинского, на наш взгляд, несколько перегружен специальными терминами, такими как: «имплицитно», «конвенционально», «релевантно» и т. п., что, на наш взгляд, затрудняет чтение, а главное, эти термины вполне можно было бы заменить на отечественные аналоги. Тем не менее данное выступление носит, безусловно, инновационный характер, ставит вопросы для дальнейшего обсуждения в научной среде и тем самым вызывает интерес у читателя.

В заключительном слове модератора секции И. Д. Кирьянова особо подчеркивалось, что данная полемика своевременна, поскольку методологическая проблема в интерпретации думской монархии среди специалистов действительно существует, поэтому необходим некий консенсус в ее понимании и интерпретации.

Несколько докладов, размещенных в этом томе, были традиционно посвящены думской биографике. Нет необходимости перечислять все статьи, но на некоторых хотелось бы остановиться. В статье Д. А. Тимохиной реконструируется биография перводумца Е. И. Кедрина; политическая биография депутата II–IV Государственной думы М. В. Челнокова, в частности его деятельность в качестве секретаря II Государственной думы освещается в статье Ф. А. Селезнева; активная политическая жизнь генерала, адвоката и депутата Третьей Думы А. Л. Бабянского рассмотрена в статье Р. А. Циунчука; политические взгляды депутата Третьей Думы от Бессарабии, священника Н. Е. Гепецкого исследуются И. В. Амбарцумовым; деятельность в Третьей Думе адвоката и земского

активиста, депутата от Рязанской губернии Д. А. Леонова, рассмотрены в статье А. С. Соколова; социальные и политические характеристики депутатам от Минской губернии даны в выступлении Д. С. Лавриновича. Завершает раздел статья С. М. Ляндреса, в которой «предпринята попытка пошатнуть традиционные представления о последнем председателе Государственной думы М. В. Родзянко как о бездарном и нерешительном политике, определив примерный круг его близких советников и сотрудников из числа политических единомышленников и чинов Канцелярии Государственной думы» (ч. 2, с. 139). Автор доказывает, что М. В. Родзянко, подбирая себе сотрудников, ставил их деловые качества и личные симпатии выше политических взглядов. Кроме этого, он умел входить в положение и поощрять подчиненных. Все это было «неотъемлемыми качествами незаслуженно обеславленного председателя нижней палаты» (Там же).

Все эти выступления раскрывают деятельность наиболее активных депутатов в основном Третьей Государственной думы, что неудивительно, поскольку именно она отработала весь положенный ей пятилетний срок и утвердила значительное число законов. Как отмечал в своих мемуарах известный публицист и общественный деятель, депутат этой думы А. В. Еропкин, «дума состояла из 442 депутатов, а “роль” там прямо играли не более 120 человек; остальные депутаты состояли на выходных ролях, и страна их совершенно и не знала» [2: с. 59]. Перечисленные доклады и сообщения открывают нам имена депутатов, которые, как писал в свое время А. В. Еропкин, может быть и не блистали на трибуне Думы, но тем не менее принимали участие в работе ее отдельных комиссий и комитетов.

Завершает этот том ряд статей, посвященных Всероссийскому учредительному собранию, представительным органам власти в СССР и Российской Федерации в конце XX века и на современном этапе, становлению и развитию парламентаризма в странах СНГ. В ряде статей исследуются отдельные аспекты становления и развития зарубежного парламентаризма, в основном в Великобритании, Франции и ФРГ (см. статьи: М. В. Жолудкова «Парламент и развитие двухпартийной системы Великобритании в XIX веке»; Е. О. Науменковой «Работа доверенных лиц в округах и их роль в политическом просвещении в Великобритании в конце XIX – начале XX вв.»; С. И. Бугашева «Джеймс Рамсей Макдональд (премьер-министр, лидер Лейбористской партии Великобритании) и англо-советские отношения в 1924 г.»; Д. И. Портнягина «Политика Великобритании в отношении Греции в 1945–1949 гг. (по материалам британского парламента)»; С. В. Бочкарева «Абсолютный парламентаризм Третьей республики во Франции: доктрина и практика» и Н. А. Власова «Коалиционная стратегия Зеленых в земельных парламентах ФРГ. Еще две статьи посвящены анализу парламентского кризиса 1922 года в Польше (А. А. Курганский) и устройству и функционированию Ассамблеи Косова (Е. П. Каткова).

В целом рецензируемый сборник способен дать широкой аудитории ясное представление о текущем состоянии, проблематике и качестве исследований

в области истории, теории и практики российского и мирового парламентаризма. Он будет полезен не только специалисту-историку или политологу, профессионально занимающемуся проблемами становления и развития российского парламентаризма, но и, безусловно, будет интересен студентам высших учебных заведений для подготовки эссе и курсовых работ, а также всем интересующимся российской историей.

Литература

1. Аросев Г. Владимир Набоков, отец Владимира Набокова. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 368 с.
2. Еропкин А. В. Записки члена Государственной думы. Воспоминания. 1905–1928. М.: Кучково поле, 2016. 352 с.
3. Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. 520 с.
4. Малышева О. Г. Избирательная система и практика в период думской монархии 1905–1917 гг. М.: Квадрига, 2018. 240 с.
5. Николаев А. Б. Думская революция 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 447 с.

Literatura

1. Arosev G. Vladimir Nabokov, otec Vladimir Nabokova. M.: Al`pina non-fikshn, 2021. 368 s.
2. Eropin A. V. Zapiski chlena Gosudarstvennoj dумы`. Vospominaniya. 1905–1928. M.: Kuchkovo pole, 2016. 352 s.
3. Koczyubinskij D. A. Russkij nacionalizm v nachale XX stoletiya. Rozhdenie i gibel` ideologii Vserossijskogo nacional`nogo soyuza. M.: ROSSPE`N, 2001. 520 s.
4. Maly`sheva O. G. Izbiratel`naya sistema i praktika v period dumskoj monarxii 1905–1917 gg. M.: Kvadriga, 2018. 240 s.
5. Nikolaev A. B. Dumskaya revolyuciya 27 fevralya – 3 marta 1917 goda: v 2 t. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2017. T. 1. 592 s.; T. 2. 447 s.

А. А. Бессолицын